

К примеру, в Германии 39% молодых людей ещё в возрасте от 6 до 17 лет имеют телевизор, 34% - проигрыватель компакт-дисков, 33% - музыкальный центр, 21% компьютер и 7% - мобильный телефон. Среди самых желанных вещей на первом месте — телевизор (39%), за ним идут видеомэгафон (35%) и мобильный телефон (34%).

6. Белорусы больше других помогают родителям по хозяйству, но реже всех посещают кафе, рестораны и путешествуют. Традиции семейного быта, а также сложная экономическая ситуация, являются причинами того, что молодые белорусы часто вынуждены работать на приусадебных участках и дачах вместе с родителями. Далеко не каждый студент сегодня в Беларуси может себе позволить отдых в ресторане. Правда, следует отметить, что ситуация в последние годы постепенно изменяется. В стране, в связи с появлением частного предпринимательства, увеличивается число кафе, баров и растёт число их клиентов. По нашим данным, среди посетителей этих заведений в 1996 г. были 22,5% студентов, в 2000 г. - уже 28%.

7. Явно заметно, что степень вовлеченности студентов в такой вид отдыха, как путешествия, увеличивается при движении с Востока на Запад.

Сравнение структуры и иерархии ценностей и образа жизни студентов четырех стран показывает, что, несмотря на некоторые особенности и отличия, контрастное разделение по схеме Восход - Запад не обнаруживается. Более того, по ряду признаков между белорусами и их западными сверстниками происходит сближение. Это обобщение дает право прогнозировать в будущем интеграцию Востока и Запада, постепенное социокультурное сближение данных цивилизаций.

1. Хабермас Ю. Почему Европе нужна конституция? // Deutschland RU № 6 2001. с. 63.
2. Хабермас Ю., там же, с.65.
3. Покровский Н.Е. Российское общество в контексте американизации (Принципиальная схема) // СОЦИС, № 6, 2000, с.5.
4. Покровский Н.Е., там же, с.5.
5. Специфика России глазами немецкого учёного // Общественные науки и современность, 2001, № 4, с. 114.
6. Бутенко А.П., Колесниченко Ю.В. Менталитет россиян и свразийство: их сущность и общественно-политический смысл // СОЦИС, 1996, №5, с. 101-102.

КАРЛ ЛАМПРЕХТ О ВНЕШНЕЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ ГЕРМАНИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В. А. Космач

г. Витебск, ВГУ им. П.М. Машерова

За 1871-1918 гг. Германия предприняла целый ряд активных шагов и инициатив в области германского духовного экспорта. Однако, по сравнению с дипломатической, хозяйственной и военной активностью рейха они выглядели весьма скромно. Это и другие обстоятельства создавали благоприятную почву для постепенного осознания необходимости детально продуманной внешней культурной политики. Первыми, кто это понял раньше всех, были немногочисленные либерально настроенные интеллигенты, не принадлежавшие к официальному правительственному окружению. Среди них на первом месте следует назвать имя известного в то время историка культуры профессора Карла Лампрехта [1]. Именно он впервые в Германии заговорил о внешней культурной политике. Произошло это 7 октября 1912 г., когда Карл Лампрехт выступил в Гейдельберге на собрании Союза за международное взаимопонимание («Verband für internationale Verständigung») с докладом «О внешней культурной политике».

Сам К. Лампрехт вместе с Ф. Науманом и К. Тримборном входил в исполнительный комитет этого Союза, который имел свой печатный и специфический по названию орган — «Международный дух». Он издавался в Штутгарте и представлял собой ежемесяч-

ные публикации в виде статей наиболее активных деятелей Союза за международное взаимопонимание. В номере восьмом за 1913 г. журнал опубликовал выступление К. Лампрехта «О внешней культурной политике» [2]. Его сообщение было опубликовано также в двенадцатом номере журнала «Немецкое обозрение» за 1912 г. Его текст имеется и в документальном приложении к монографии Курта Дювеля из университета в г. Трире [3].

Лампрехт подчеркивал, что понятие «культурная политика» совсем новое и стало использоваться в Германии где-то лет пять назад (т.е. с 1908 г.), но только во внутренней политике, в то время, как в других странах, прежде всего во Франции, США и Великобритании, уже давно говорят о «внешней культурной политике» и активно действуют в этой области. К. Лампрехт был несколько неточен в своих словах. Впервые в Германии понятие «культурная политика» встречается уже в конце XIX - начале XX в. во время дебатов парламентариев в рейхстаге, а термин «внешняя культурная политика» появился с 1908 г. в ходе бесед самого Лампрехта и «негласного» министра культов Пруссии Ф. Альтофффа [4].

Ученый не только первый произнес слова о внешней культурной политике, но и энергично защищал ее и пытался убедить собравшихся, что сознательные и интенсивные шаги в области культурной политики вовеки — это требование времени и жизненной необходимости для рейха. Лампрехт доказывал, что для немцев — «нации философов и педагогов» — это крайне важно и должно играть существенную роль в государственной политике в целом [5].

Однако большого резонанса выступление К. Лампрехта в Гейдельберге тогда не вызвало. Это произошло немного позже, когда профессор написал о необходимости и больших возможностях внешней культурной политики для Германии канцлеру Т. фон Бетман-Гольвегу 19 мая 1913 г. и получил на него ответ, опубликованный в декабре того же года на титульной полосе влиятельной газеты «Фоссиге Цайтунг» [6].

Лампрехт обращал внимание канцлера на то, что «внешняя позитивная, творческая культурная политика» Германии, в отличие от Англии и Франции, переживает лишь начальный этап становления. Он предлагал срочно исправить ситуацию в этой области и называл конкретных людей, которые могли бы разработать детальную программу германской внешней культурной политики. По мнению Лампрехта, к ним относились профессор Берлинского университета Вильгельм Пасчковский, а также историки Карл Бройль из Гамбурга и Эрнст Денель из Кила.

Письмо К. Лампрехта произвело на канцлера большое впечатление. «Я вместе с Вами, — подчеркивал в начале своего письма канцлер, — убежден в важности и необходимости внешней культурной политики» [7]. Но Бетман-Гольвег отмечал далее, что успехи и достижения Франции и Англии в этой области не являются успехами их правительств, а есть результат «сообразности, единства и замкнутости» их культур, целенаправленной воли всей нации в этих государствах. «У нас еще совсем не так, — писал далее канцлер, — мы еще довольно не уверены и сознательны в нашей культуре, в нашей внутренней сущности, в нашем национальном идеале. Это заложено полностью в своеобразии нашей все еще индивидуализированной и все еще несбалансированной культуре, в том, что она не имеет аналогичной внутрисистемной силы, как британская или французская, в том, что не каждый немец за границей представляет свою родину, как французы Париж и англичане Британские острова» [8]. В заключении Бетман-Гольвег обращал внимание на то, что в области внешней культурной политики правительству будет трудно без образованной части населения — интеллигенции — и что все, что эти люди будут делать в духовном экспорте в будущем, заслужит благодарности и признательности немецкого народа.

Выступление К. Лампрехта в Гейдельберге и его письмо к канцлеру Бетман-Гольвегу представляли первый диалог о необходимости и возможностях германской внешней культурной политики. К сожалению, канцлер считал, что в этой области нужны в основном инициативы и их поддержка со стороны государства. Внешняя культурная политика все еще представлялась как понятие, тождественное культурной пропаганде, осуществляемой государством.

Вместе с тем говорил, что канцлер Бетман-Гольвег отрицательно относился к идее внешней культурной политики и оправданности усилий рейха по ее реализации, как это ранее делалось в некоторых работах западногерманских авторов, было бы незаслуженно и несправедливо. Свидетельство тому — записка канцлера от 5 августа 1913 г. в адрес госу-

дарственных секретарей МИДа и министерства внутренних дел, где глава германского правительства четко высказалась в пользу государственной поддержки внешней культурной политики. Бетман-Гольвег с горечью написал: «Организации и учреждения, которые имели задачу делать доступными для немцев чужие явления культуры или бесповоротно содействовать немецкой культурной жизни за границей, испытывают, по моему наблюдению, не повсюду заслуженное одобрение и поддержку»[9]. Далее канцлер предлагал «содействовать немецкой культурной работе за границей» и советовал, чтобы «культурные организации за границы поддерживались рейхом в возрастающем размере»[10]. При этом Бетман-Гольвег отводил большое внимание немцам за границы, называя их представителями германской нации и ее культуры. Что касается всей культурной работы Германии за границей, то канцлер явно предпочитал ориентацию всех ее усилий на Китай.

Карл Лампрехт был, таким образом, первым, кто в Германии заговорил о внешней культурной политике и необходимости ее прочной и стабильной поддержки со стороны рейха. Важным было и то, что это сделала ученый, разделявший умеренно-либеральные взгляды и либеральную политическую концепцию, т.е. реформы и отказ от силовых и пропагандистских приемов и методов работы, в духе Ф. Наумана и его окружения на германскую внешнею политику в целом. Изображать К. Лампрехта как убежденного защитника империалистической внешней культурной политики, как это делали ранее К. Гоффмейстер, Х.-И. Штейнберг, Ю. Кучински и Х.-У. Велер в 50-е годы, будет крайне условным занятием. Взгляды и деятельность К. Лампрехта следует рассматривать конкретно исторически, несмотря на то, что он был членом Пангерманского союза.

Культурная политика в теоретическом наследии К. Лампрехта занимала ключевое место и дифференцировалась ученым на три ключевые проблемы (темы): 1) культурная политика как социальная политика; 2) культурная политика как организация науки и реформа высшей школы и 3) культурная политика как часть внешней политики, или внешняя культурная политика[11]. Что касается внешней политики, то К. Лампрехт считал, что она должна не только обслуживать хозяйственные интересы рейха, но, главным образом, оказывать «систематическое содействие германскому авторитету за границей с помощью духовных средств»[12]. Поэтому Лампрехт требовал придать внешней культурной политике автономный характер, который бы делал ее свободной, как он выражался, от задачи быть «голой обивкой» экономических интересов рейха вовне. Фактически это означало бы признание собственной значимости распространения немецкой науки и культуры, права на т.н. «культурную экспансию» наряду с политико-хозяйственной экспансией Германии в мире.

К. Лампрехт справедливо подчёркивал право каждого народа на духовное влияние на другие народы в ходе активного научного и культурного сотрудничества: «Внешняя культурная политика означает одновременно учёт собственных интересов чужих наций, точно также, как реализацию собственных германских интересов в области культуры, чей гуманный характер основан на своеобразии немецкой культуры» — писал он[13]. К. Лампрехт не представлял себе возможным активное духовное влияние Германии на другие народы без знания истории, языка и культуры последних. Именно этим объясняется активность К. Лампрехта в 1912-1913 гг., включая переписку с канцлером Бетманом-Гольвегом, его усилия по организации двухсторонних научных контактов и студенческого обмена между Германией и США.

В 1904 г. во время пребывания в США Лампрехт установил прямые научные связи со многими известными американскими историками — И. Х. Робинсоном, Х. Мюнстербергом, Н. М. Булгером, В. Е. Доддом и профессором И. Ямесоном из института Карнеги[14]. В США учёный проявил повышенный интерес к контактам с американскими немцами. Он считал немцев за границей носителями германской культуры, её активными проводниками в других государствах мира, своеобразным инструментом, хотя это звучит казённо, германской внешней культурной политики в ходе стратегической реализации её основных целей и задач на практике. Отсюда интенсивные контакты К. Лампрехта с немецкими союзами и обществами во время его поездки в США (в Вашингтоне, Нью-Йорке, Чикаго и Гарварде), особенно с учёными немецкого происхождения и известными

ми представителями немецкой культуры. Здесь он познакомился с профессором Николаем Бутлером из Колумбийского университета и Паулем Рейншем, будущим послом США в Китае и автором книги по истории международных отношений конца XIX века.

В целом, концепцию внешней культурной политики К. Лампрехта можно свести к нескольким основным положениям:

1. Признание собственной значимости германской внешней культурной политики в общем балансе внешнеполитического курса германского рейха. Отсюда сомнения в необходимости её активного использования только в одном направлении — обслуживании хозяйственно-политических интересов государства вовне, призыв признать равнозначность духовного экспорта наряду с дипломатическими инициативами, что, по мнению К. Лампрехта, было невозможно без автономного развития культурной политики рейха в целом.

2. Признание значимости и ценностей духовных культур и традиций народов других цивилизаций, как и права на «проникновение немецкой культуры в отношении других наций» и наоборот. При этом К. Лампрехт чётко дифференцировал цивилизационные страны и народы Западной Европы и США и менее культурно развитые народы и государства, предполагая расстановку соответствующих акцентов в этой связи в стратегические замыслы и тактическую реализацию основных целей и задач германской внешней культурной политики. Отсюда — признание и защита права немцев, как и других народов, на т.н. «культурную экспансию» в положительном смысле слова, исключая империалистические и шовинистические замыслы и варианты.

3. Реализация всей концепции германской культурной политики, по Лампрехту, должна была развернуться в трёх плоскостях, взаимосвязанных друг с другом [15]:

а) во внутренне-хозяйственно-политической, где история и теория культуры (культурология) объявлялась научной базой, или основой внешней культурной политики, и из чего вытекала немедленная и решительная реформа всей учебной и научно-исследовательской работы в университетах и всей высшей школе Германии;

б) во внутренне-культурно-научной, где учёные в области истории и теории культуры должны были развернуть активные и глубокие научные исследования в отношении, как выражался К. Лампрехт, двух основных адресатов германской внешней культурной политики — неимперских немцев, или немцев за границы, и менее развитых (менее цивилизованных) стран и народов;

в) во внешне-хозяйственно-политической, где Лампрехт предполагал разнообразные формы научного и культурного сотрудничества с цивилизованными народами и государствами Западной Европы и США и создание с этой целью чётких организационных структур со стороны рейха.

К. Лампрехт полностью разделял попытку Ф. Наумана и его сторонников этицизировать, или «окультурить», империализм, его внутреннюю и внешнюю политику (идея «культурного империализма»), что сближало его с Х. Дельбруком и О. Хинтце — автором идеи «мировой культурной политики» («Weltkulturpolitik») в противовес внешней политике Великобритании и её союзников. Концепция «культурной экспансии» в цивилизованной форме К. Лампрехтом сформулировалась в кругу его учителей, В. Рошера и А. Майтцена, и была углублена во время многочисленных встреч с известным геополитиком Ф. Ратцелем.

Инициативное поведение К. Лампрехта дало мощный толчок к появлению целого ряда проектов в области внешней культурной политики, в т.ч. проекта по организации германо-русского и германо-шведского обществ. Аналогичные усилия предпринимались К. Лампрехтом и Бетманом-Гольвегом в отношении Китая при активном участии бывшего генерального консула Германии в Китае Кнаппе [16].

В декабре 1913 г. Лампрехт представил Бетману-Гольвегу план создания «Общества по содействию германской внешней культурной политике», которое бы тесно сотрудничало с министерством иностранных дел. Но в МИДе Лампрехт не нашёл понимания и поддержки. Его инициатива была скоро поддержана Союзом немецких инже-

неров, и весной 1914 года возникло «Центральное учреждение внешней службы» («Zentralstelle für Außendienste», ZA), которое ставило задачи духовного влияния на хозяйственную и культурную жизнь цивилизованно развитых стран и народов, поддержки немецких национальных групп за границей, организации языковых курсов и серии докладов самой широкой тематики. Однако в августе 1914 г. оно прекратило свою работу из-за начинавшейся войны. Но война не изменила самого Лампрехта и не могла остановить его научной деятельности. В том же 1914 г. в Лейпциге выходит его небольшая книга «Война и культура». Говоря о перспективах немецкой культуры, К. Лампрехт заметил, что «они лежат прежде всего в защите будущего Германии за границей», где главное — «наша германская народная жизнь»[17].

Переписка К. Лампрехта с канцлером Т. фон Бетманом-Гольвегом означала первый диалог на общеперском уровне о необходимости и возможностях германской внешней культурной политики. К. Лампрехт был не единственным, кто говорил об этом. До первой мировой войны и в её ходе в Германии вышли работы Пауля Рорбаха, Курта Рицлера, Эрнста Экка, Людвига Штайна и некоторых других авторов, кто не только расхваливал о достоинствах или упущениях германской внешней культурной политики, но и, пока что бессистемно, пытался определить её ключевые направления и формы.

Интересны мысли К. Лампрехта об истории как науке и истории культуры. Замечает, что К. Лампрехт — автор 18-томной «Германской истории». Лампрехт был в то время едва ли не единственным в Германии историком, фактически в одиночку выступившим против общепринятых методических принципов и главного объекта исторического познания. Он страстно отстаивал взгляд на историю «как на совокупность явлений материальной и духовной культуры в противовес общепризнанному положению о необходимости изучения прежде всего и главным образом истории государств, политики, дипломатии и деятельности великих личностей»[18].

Карл Лампрехт считал, что учёный не должен связывать себя каким-либо конкретным мировоззрением, а из исторической методологии симпатии свои отдавал преимущественно-генетическому, событийно-описательному и сравнительно-историческому методам. Касаясь самого содержания и объекта истории культуры, он подчёркивал, что историческое развитие означает развитие социально-психологических факторов языка, экономики и искусства, нравов, морали и права, а определённые стадии развития этих факторов характеризуют собственно развитие национальной жизни. Задача истории культуры, по его мнению, состоит в том, чтобы показать все эти процессы, как на уровне отдельной нации, так и в мировом масштабе. Особое значение в связи с этим Карл Лампрехт придавал сравнительно-историческому методу, полагая, что «история культуры — это сравнительная история социально-психологических факторов развития, она относится к языкознанию, экономический истории, искусствоведению и т.д., как к вспомогательным научным дисциплинам». Происходит это в силу того, что, по убеждению Лампрехта, история культуры представляет собой «высшую предпосылку для всех исторических направлений»[19].

А. И. Патрушев называет К. Лампрехта умеренным консерватором, а по политическим взглядам — убеждённым монархистом, но тут же отмечает его пацифизм в 1904-1914 гг. и ставку на экономическую «культурную политику вовне, а не на военно-политические методы и доктрины»[20].

[1] См.: Патрушев А.И. Взлёт и низвержение Карла Лампрехта (1856-1915) // Новая и новейшая история. 1995, № 4. С.179-193.

[2] Die internationale Geist. Veröffentlichungen des Verbandes für internationale Verständigung, Stuttgart, 1913. H. 8. S. 3-14.

[3] См.: Düwell K. Deutschlands auswärtige Kulturpolitik. 1918-1932. Grundlinien und Dokumente. Köln-Wien, 1976. S. 255-267.

[4] Bröcke von B. Der deutsch-amerikanische Professoren Austausch. Preußische Wissenschaftspolitik, internationale Wissenschaftsbeziehungen und die Anfänge einer deutschen

auswärtigen Kulturpolitik vor dem Ersten Weltkrieg // Interne Faktoren auswärtigen Kulturpolitik im 19. und 20. Jahrhundert. Stuttgart, 1981. T. 2. S. 128-129.

[5] Düwell K Op. cit. S. 256.

[6] См.: Schorn – Schütte L. Karl Lamprecht. Kulturgeschichtsschreibung Zwischen Wissenschaft und Politik. Göttingen, 1984. S. 283-284.

[7] Düwell K Op. cit. S. 19.

[8] Ebenda. S.19.

[9] Deutsche auswärtige Kulturpolitik seit 1871. Geschichte und Struktur. Referate und Diskussionen eines interdisziplinären Symposions. Köln-Wien, 1981. S.11.

[10] Ebenda. S.12.

[11] Schorn-Schütte L. Op. cit. S. 210.

[12] Ebenda. S.270.

[13] Ebenda. S.271.

[14] Ebenda. S.306.

[15] См.: Interne Faktoren auswärtiger Kulturpolitik im 19. und 20. Jahrhundert. Stuttgart, 1981. S. 38.

[16] Ebenda. S.57.

[17] Lamprecht K. Krieg und Kultur. Leipzig, 1914. S. 74.

[18] Патрушев А. И. Указ. соч. С. 179.

[19] См.: Lamprecht K. Was ist Kulturgeschichte? Beitrag zu einer empirischen Historik // Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1896/97. Bd. 1. S.149-150.

[20] Патрушев А. И. Указ. соч. С. 188.

РАЗВИТИЕ ДИАЛЕКТИКИ В «ФЕНОМЕНОЛОГИИ ДУХА» ГЕГЕЛЯ

Варич В.Н.

г. Брест, БГТУ

Сущность гегелевской философии, наглядно проявляющаяся в его философском манифесте, состоит в признании того, что развитие должно быть завершено, ибо познано оно может быть только с самой высокой точки зрения – точки зрения абсолютного духа, проводником которого в данном случае выступает философ-феноменолог. Лишь зная конец, можно знать всю историю развития от начала до конца. Программное гегелевское утверждение о том, что начало и конец, цель и результат развития замыкаются друг в друге, что субстанция должна быть понята как субъект, приводит в «Феноменологии духа» и во всей системе гегелевской философии к совпадению метода и системы.

Стремление преодолеть заблуждения идейных предшественников приводит Гегеля к созданию наиболее последовательного и полного диалектического метода, возможного на идеалистической основе. О рождении этого метода свидетельствуют программные требования «Феноменологии духа»: считать органом философского познания не интуицию, а логическое развитие мысли путем обнаружения и снятия отрицательного момента; показать принципы философии в их развитии; представить метод философии как активный принцип – субъект, – а не как простое тождество; реализовать метод в различиях субъекта и объекта, придав ему форму научной системы. Эта программа, намеченная в «Феноменологии духа», находит свою реализацию в произведениях более позднего периода, в которых окончательно определяются черты гегелевской системы философии и идеалистической диалектики.

Диалектические достижения Гегеля в «Феноменологии духа» не исчерпываются провозглашенными им самим постулатами. Именно в этом произведении впервые находит свое последовательное воплощение гегелевский метод восхождения от абстрактного к конкретному, примененный им впоследствии во всех произведениях. Как логика начинается у Гегеля с анализа простейшего логического отношения чистого бытия и ничто, а философии права – с анализа простейшей формы нравственного бытия – семьи, – так и «Феноменология» начинается с самого простого, элементарного и вместе с тем искалчительно емкого познавательного